

В. В. Липатов

В 60-е годы в общесоюзную литературу прочно вошел сибирский прозаик Виль Владимирович Липатов (1927 – 1979). Родился он в Чите в семье журналиста. После окончания исторического факультета Томского педагогического института работал литературным сотрудником областной газеты в Томске. С 1957 по 1965 г. жил в Чите. Бесспорны широкая известность писателя, популярность его книг, не раз вокруг его творчества возникали острые критические дискуссии.

Виль Липатов работал в литературе интенсивно – каждый год в центральных журналах появлялись его новые рассказы, повести, романы, в издательствах — новые книги. Притягательность его литературного творчества объясняется прежде всего неизменной авторской верностью современной теме, актуальностью проблематики, остротой её воплощения. Люди труда, их облик, внутренний мир, микроклимат рабочего коллектива всегда находились в центре внимания писателя. Человек и его дело, НТР и личность, руководитель и коллектив — вот магистральные проблемы его прозы.

Увлеченность «горячим» материалом, тяга к людям производства во многом объясняется тем, что Липатов пришел в литературу из газеты. К журналистике он пристрастился еще будучи студентом. «Восемь лет работы в областной газете «Красное знамя»,— считал прозаик,— лучшее время для накопления жизненного материала». Именно тогда в Томской области, на её севере, Липатов познакомился с прототипами многих героев своих будущих книг: таёжниками, лесорубами, сплавщиками леса, речными капитанами, шофёрами, рыбаками. Немало дала ему журналистская работа и на его родине, в Читинской области.

Ранние рассказы Липатова, публиковавшиеся в журналах «Юность» и «Молодая гвардия», представляли собой как бы подступы к более крупным и зрелым вещам писателя, в них определились некоторые черты его поэтики, особенности его героев, круг волнующих его проблем и конфликтов. В этом плане наиболее показательны такие рассказы, как «Самолетный кочегар», «Двое в тельняшках» (1956), «Капитан и пароход» (1957) и другие. Эти рассказы созданы на разнохарактерном жизненном материале. В новелле «Капитан и пароход» показан рискованный, полный драматизма момент лесосплава. Речной капитан проводит огромный плот через узкую и быструю протоку у опасного поворота реки. В рассказе «Самолетный кочегар» бывший детдомовец Ваня Пыж, преодолевая насмешки, недоверие трактористов, входит в их бригаду, по праву снискав репутацию одарённого изобретателя (ещё в кружке юных техников Ваня изобрел мотоцикл, который наверняка бы двигался, если бы он «достал некоторые части»). «Двое в тельняшках» — история о том, как молодой тракторист, допризывник, мечтающий о море, считает возможным пренебрежительно относиться к обычным трудовым будням; он сталкивается с директором леспромхоза, бывшим военным моряком, который никогда, однако, не кичится своим боевым прошлым. Несмотря на различие жизнеосновы рассказов, в них, как правило, изображено столкновение глубоких, содержательных, скромных людей, внешне как будто бы обыденных и неприметных, с людьми, на первый взгляд поражающими своей необычностью, бывалостью, энергией, физической силой, но на поверку пустоватыми, лишенными внутреннего стержня. Эти конфликты углублялись, приобретали новые грани в ранних повестях прозаика: «Шестеро» (1958), «Капитан „Смелого"» (1959), «Зуб мудрости», «Стрежень» (1961), «Смерть Егора Сузуна», «Черный Яр» (1963), «Чужой» (1964). Шестеро трактористов («Шестеро») «перегоняют технику» по тайге, за несколько сот километров. Суровая опасность не раз подстерегает их. Сдержанные на слово, спокойные, как будто заурядные (опять-таки на первый взгляд!), они не теряются даже под угрозой оказаться погребенными снежной пургой. И только один тракторист — Гулин, тот, который семнадцатилетнему новичку казался образцом для подражания, не выдержал испытания, струсил в опасную минуту. В этой повести сказалось то свойство таланта Виля Липатова, которое А. Макаров называл «киномышлением», имея в виду зримость, композиционную завершенность фрагментарных эпизодов, напряженность действия.

«Глухая мята» (1960) также повествует о конфликте между скромностью, самоотверженной честностью и эгоцентризмом, стяжательством с их разъедающей тлетворностью. Механик Изюмин, используя доверчивость, бесхитрость лесозаготовителей, пытается нарушить нормальную жизнь бригады, уронить в глазах рабочих принципы товарищества, дружбы и трудовой чести. В «Глухой мяте» ощутима социальная чуткость художника наших дней: всесторонне исследуя личность труженика, Липатов был исполнен доверия к ней, уверен в том, что люди, подобные Изюмину, в нашей жизни составляют исключение и обречены на поражение в своих мелких и корыстных устремлениях. Художник верил людям, не заласканным обстоятельствами, нередко с трудными, несложившимися судьбами. Как точно заметила критика, коллектив у Липатова всегда прав, всегда олицетворяет передовое, нравственно здоровое начало.

В этих ранних повестях и рассказах Виль Липатов показал себя знатоком сибирского быта, характера сибиряка, сибирского речного и таёжного пейзажа. Но наряду со всеми этими очевидными достоинствами в ранних произведениях видны и существенные авторские просчеты.

Очень точно сказал о них критик В. Хмара, отметивший, что подчас характеры у Липатова «не столько образуются, сколько обнаруживаются», что они несут в себе элементы статичности и схемы. В конце 60-х годов критика заговорила о появлении «нового», более зрелого Липатова. В данном аспекте показателен его рассказ «Мистер Твистер» («Знамя», 1967, № 2). Здесь автор в известной степени предвосхитил шукшинских чудачков.

В рабочем поселке Тагар появилась первая шляпа. Её владельцем оказался приезжий печник, парикмахер и «великий артист» Семён Лукич Сюткин. Он мастерски сложил три печи-«фантази», сделал прическу «фантази» деревенским модницам и бесплатно подстриг мальчишек, затем сыграл на клубной сцене Любима Торцова, внося в классическое произведение изрядную долю отсебятины, и ранним утром исчез, к великому огорчению влюбленной в него вдовы Марфы. Этот вечный странник, с его бескорыстием, выпрренной речью, нелепым хвастовством не просто пустышка, не просто перекачи-поле: за характером героя проглядывает подлинная драма. Война оставила на всём облике Сюткина свои горестные отметины. Видимо, она лишила этого человека семьи, приучила к скитаниям, не дала по-настоящему развиться его оригинальной натуре.

В рассказе «Мистер-Твистер» как бы расковался талант писателя, колоритнее стал его язык, зримее детали, сочнее юмор, получили развитие те качества писательского мастерства, которые позволили прозаику вскоре создать любимейший миллионам читателей, а потом и кинозрителей образ сибирского Мегрэ, участкового уполномоченного Федора Анискина («Деревенский детектив», 1967).

Сила Анискина в кровной связи с его родным поселком. Эта корневая связь позволяет ему, человеку небольшого образования, не располагающему современной криминалистической техникой, распутывать довольно сложные происшествия, случающиеся в родном Тагаре. Его талант детектива питается знанием жизни и характеров своих земляков, тем, что он делит с ними радость и горе и уважительно относится к человеческой личности.

Таким образом, здесь мы в новой интерпретации встречаемся с излюбленной темой автора — «человек и коллектив». И цикл рассказов и повестей об Анискине — это многогранное повествование о сибирской деревне, о её колоритных жителях, таких, как Панка Волошина, задорная, лихая, неунывающая, но в сущности нелегко переживающая свое одиночество, как Прасковья Пенькова — великая труженица, надоившая «эшелон молока», как десятиклассник Виталька Прокофьев, мечтатель, строитель невиданной машины, материалом для которой должно послужить общественное имущество, и многие другие.

Среди этих людей в пору стремительного взлета сибирских новостроек нашёл Виль Липатов и своего Прончатова, одного из подлинных героев современности. «Сказание о директоре Прончатове» (1969) вызвало активные споры. Критики и читатели горячо обсуждали вопрос о том, насколько директор «могучей» сплавконторы Олег Олегович Прончатов отвечает сложившимся представлениям о герое наших дней. Многие утверждали, что «хозяин страны Прончатии», над которой самолет пролетает целый час, территория которой могла бы вместить Францию, Швейцарию и Королевство Люксембург вместе

взяты, не чужд карьеризма, зазнайства, высокомерия. Другие же справедливо считали, что Прончатовым движут, прежде всего, патриотические чувства, любовь к своей профессии, увлечённость энтузиаста, вера в свой талант руководителя. Нельзя не видеть, что Прончатова отличает государственное мышление, масштабность личности, смелость, новаторский поиск. Сейчас, когда по произведениям драматургии, кино, художественной прозы мы знакомы с образами многих командиров и передовиков производства, каждодневно решающих сложные вопросы, выдвигаемые научно-техническим прогрессом, можно с уверенностью сказать, что образ сибиряка Прончатова — правофланговый в этой примечательной галерее характеров.

На первый взгляд, несколько особняком в творчестве Виля Липатова стоят две его повести — «Лида Вараксина» (1968) и «Серая мышь» (1970). Пафос этих произведений — в осуждении отрицательных явлений нашей жизни, тогда как ранее прозаик чаще воспевал созидательный труд и творческий поиск. Но и здесь мы обнаруживаем знакомую проблему — человек и коллектив, человек и его дело.

Повесть «Лида Вараксина» убеждает в прозорливости и тонкости писательского дара Липатова. В нашей литературе немало произведений, где молодой специалист изображен в начале своей трудовой биографии, в первые годы работы на селе. Конфликты подобных произведений стали привычными — борьба с рутинной, косностью и победа над ними, либо испуг вчерашнего «школяра» перед трудностями и, как правило, следующее за этим возвращение в город. Лиде Вараксиной возвращаться в город не имеет смысла — она человек сельский, и жизнь её, на первый взгляд, складывается безоблачно: она окончила культпросвет-школу, получила назначение в родное село, работает по специальности. Но автор ненавязчиво, точными психологическими деталями убеждает нас в том, что у Лиды по сути дела нет специальности. Её работа в сельском клубе требует культуры, знаний, определенного такта — всего этого Лида лишена, хотя она и располагает соответствующим дипломом. Здесь перед нами тот случай, когда город, к сожалению, дал человеку лишь самые верхушки знаний, привив ему в то же время ненасытное стремление к модной одежде, пристрастие к расхожему «этикету». Драма Лиды — это драма человека, оказавшегося не на своём месте, потерявшего связь с односельчанами, испытывающего крайнее одиночество.

Отрыв от людей, бездуховность — печальная участь и четверки героев повести «Серая мышь». Действие повести длится всего 18 часов — с раннего воскресного утра и до наступления ночи в таежном поселке Чила-Юл. Это один день из жизни сломленных личностей, безнадежных алкоголиков. Повествование отличает емкость, мастерство композиции. В поисках «зеленого змия» четвёрка алкоголиков кружит по поселку. Их «поход» позволяет автору показать многообразие сельского бытия, контрастирующего с опустошенным прозябанием пьяниц. На этом же «кружении» повествователь раскрывает и судьбы самих опустившихся людей, исследует причины их падения. Среди четверки выделяется Семён Баландин, некогда уважаемый специалист, бывший главный инженер завода. Он еще лелеет надежду подняться над своим безволием, верит в легенду о серой мыши, которая должна прийти и спасти его. «Но в доме Семёна Баландина не живут маленькие серые мыши: им нечего есть», — так заканчивает автор свою повесть. Нравственный урок, вытекающий из этой повести, состоит, прежде всего, в том, что человек не может существовать в отрыве от общества, что отступление перед собственной слабостью неминуемо ведет за собой трагедию распада личности.

Значительность проблематики, острота художнического зрения, мастерская лепка характеров делают повести, рассказы, а в конце 70-х годов — и романы Виля Липатова заметным явлением в советской прозе.